

Где же боги твои, которых ты сделал себе? — Пусть они встанут, если могут спасти тебя во время бедства твоего.

Книга пророка Иеремии, 2:28

Святой равноапостольный князь Владимир вывел Русь из тьмы языческой к свету Веры Христовой. Преподобный Илья Печерский (в миру, до пострига — Чоботок) так поведал об этом в златоглавом слове своем.

Допрекнула его бабка, правильница из одной земли Киевской, а всея Руси, княгиня Ольга. Матушка княгиня гречаны не зря «Софие племен русичей» величила.

Говорят, к Вере Христовой княгиня Ольга приобщилась в Царьграде златохрамном. Но может, она крестилась еще ранее, в красовитом Киевграде своем.

«София» значит «мудрейшая», так византы говорят. Что ж, правильно говорят.

Такой Ольга и была. Свет

Веры Христовой впервые все

ж воссиял для нее еще до Царьграда и Киева. На острове святого Эфира то бы-

ло. Днепр синеводный вливается в море четырьмя звонко-струйными жерлами своими. Греки называли сине море Понтом Эвксинским, а Днепр — Борисфеном. По-русски сие означает «море незлобивое». А Борисфен — «крепкий ветром омытый».

Одесную от крайнего жерла Днепра лежит остров святого Эфира. Остров был отбит Русью у греков еще при Аскольде и Дире. Позже островом завладел князь Игорь, супруг княгини Ольги.

На острове испокон веков было капище греческой богини зла Гекаты. Капище находилось в роще среди высоченных деревьев. Жрецы дьяволицы их откуда-то привезли и посадили на острове.

Русичи называли Гекаты царицей ведьм.

На острове сем еще во времена Бусовы проходили торжища меж греками и антиами. Русичи, говорят, в незапамятный век от антиков пошли.

Анты, приезжая на остров в однодеревках своих, привозили для обмена пшеницу, рожь, рису, сущеную и копченую, грибы сущеные, мясо, шкуры звериные, сало, меды, воск. Все это выменивалось бусовцами, а вслед за ними русичами на топоры, ножи, шеломы, оружие, ткани, вина, посуду, амфоры.

Остров пребывал в язычестве, пока на торжище не стал приезжать Эфир, епископ града Корсунь в Таврии. Он еще застал в живых святителя Николая, чудотворца града Миры в Ликии. На этом острове владыка Эфир и преставился. Эфир и при жизни, и после смерти прославился как заклинатель царицы ведьм.

Он разорил капище Гекаты и возвыг на его месте храм христианский, нареченный в честь угодника Николы Мирликийского. В бывшей роще Гекаты возник скит. Здесь жили монахи Свято-Николаевского монастыря, благоустроенного Эферием близ града Корсунь в Таврии.

Там, в скитской церкви, и была усыпальница заклинательницы ведьм.

Еще при Аскольде и Дире торжища в роще Гекаты мало-помалу стали сходить на нет. Игорь и Ольга, вожделав возродить торжища, с византами договорились.

Остров оставался под омопором Игоря и Ольги, но русичам возвращалось зимовать на нем. Игорь и Ольга обвязались не чинить препон скиту эфериеву, так что византы могли считать себя наполовину хозяевами острова.

Однако при Святославе Игоревиче торжища на острове снова разладились, до матушки княгини дурные вести дошли, будто ушкайники разграбили и пожгли гостечные амбары с товарами и прочим добром. Скит разбойники, правда, пошадили, то ли из страха, то ли потому, что поживиться там нечем. Церковка с усыпальницей

Глава из готовившейся к печати повести о Крещении Руси.

ицией святого Эфира не была каменная, а деревянная, скитники не голодают, но припеваючи не живут.

Старейшины корсунские прислали Ольге грамотку с жалобой на разбой и просьбой закрыть эфериевские торжища, перенеся их на Корсунь. Матушка княгиня по гречески разумела. Подумав над грамоткой, Ольга порешала сама побывать на острове и выяснить, что к чему. Снарядила матушку княгиню стало однодеревок, посадила на них дружинников оберга своего и сама вместе с воинами на эфериевский остров направилась. Ветер крепчал и крепчал, пока в бурю не разросся. Однодеревки то взметало на маковцы вод текучих, то вниз скидывало. Однодеревки то и дело переваливались с волны на волну, чтоб из одной пропасти да в другую угодить. Лодейны паруса срывало с мачт, как листвии с древ тонкостволовых.

Две однодеревки были опрокинуты, и вои, что были в них, утонули. С десяток других однодеревок добрались до берега. Суденышки бурей потрапали весьма. Однодеревку с матушкой княгиней перевернуло. Смеляя княгиня, смолоду ко всему приобщившая в походах ратных, сама до брега доплыла, пособляя всем своим однодеревки сохранила.

Дружинники и при буйном ветре приились хвосты сбить, чтоб костры разведи, обогреться и обсушиться.

Тогда-то и появилась царица ведьм. Она стояла, высокая и властная, посреди каменьев больших, труба в раковину, как в борьбе.

Жива еще дьяволица Геката, жива! Епископ Эфир не умертвил ее, а лишь загнал на потайное ложе на дне морском. Подняв бурю, выбрались она на брег. Трубы гласы разрослись в раскаты грома, и молнии ряли вокруг нее, будто скоклы из огня. Богиня зла была без всего, голой, кроме жемчужного ожерелья на шее и златых браслетов на высоких ногах. Змеиевые власы царицы ведьм сбегались, извиваясь, на дивно белые плечи ее и перси ее наливавшие.

Страхи, как стрелы летучие, врезались в сердца дружинников оберга. В битвах, в походах воинских, в охотах княжых закален был оберег, а тут не выдержал. Где уж там человеку спадить с по-властительницей бурь!

Дружинники бросились от горящих костров враспашную. Вдруг насторече бежавшим воям устремилась четверка скитников в скуфии, с дубинами в руках и на персными крестами на рясах.

— Назад, дурье! — кричал плечистый рыжебородый монах, бежавший впереди. — Кто вы, вои или бабье несмышленое? Это ж не сама дьяволица, а лишь истукан ее. Сие не живая Геката, а мраморная! Это ж буря ее на брег выкинула и на ноги посеред камней поставила! И раковина у нее тож мраморная! Вот, глядите! — И с этими словами скитник, Филипп его звали, обрушил на главу царицы ведьм удар окованной железом дубины беломраморную плоть дьяволицы.

— А вы чего стояте, будто к земле сырой приросли? — накинулся мних Филипп на дружинников оберга, обступивших четверых скитников, которые разбили царицу ведьм на куски. — Вы что, все нехристи, что ли? — продолжал кричать скитник Филипп. — А ну, кто из вас крещеный, выходи!

Вышел только один, стремянный Добрыни, кормильца Влада, внука Ольги. Матушка княгиня взяла его в свой оберег с ведома самого Добрыни.

— Ну, я крестился в веру эллинскую.

— Где тебе крестили?

— В храме пророка Иллии в Киевграде.

— Кто крестным был?

— Протопоп Павел. С до-заповеди вдовы матери моей.

— А как батьку родного звали?

— Твердиславом. Его в боки печенезы убили.

— Как нарекли тебя при крещении?

— Рабом Божиим Алексеем. А в обереге нашем меня знают как Рата, Ратибора.

— Так ты, стало быть, не Ратибор Твердиславич, а Алеша Попович, по имени крестившего тя.

С тех пор имя это и вросло в деяния и жизнь бывшего стремянного Добрыни, кормильца княжича Влада, которому суждено было стать Владимиром Равноапостольным, крестителем Киевграда и всея Руси.

— Как ты на остров прибыл? — допытывался рыжебородый скитник Филипп у младого воя, названного им Алеши Поповичем.

Вячеслав Завалишин

КАЗНЬ ЦАРИЦЫ ВЕДЬМ

— Вот так! — продолжал скитник Филипп, передя с истинного крика на проповедь. — Мы — люд крещеный, со всеми истуканами вот так поступаем. Всех перебьем, ни одного не оставим, будь то идол или идолица. Разве что Деметру пощадим: она нам зла нечинила... А теперь с молитвой и наговором развеем по ветру все, что от этой треклятой твари осталось.

И скитник Филипп принял швырь в воду мелкие обломки беломраморной Гекаты, всякий раз приговаривая:

— Изыди от нас, дьяволица!

До крещения Филипп был кормчим гостеприма юма русичей. Юм ходил к византии. Смеляя княгиня, смолоду ко всему приобщившая в походах ратных, сама до брега доплыла, пособляя всем своим однодеревки сохранила.

Дружинники и при буйном ветре приились хвосты сбить, чтоб костры разведи, обогреться и обсушиться.

Скитники и дружинники оберга побежали в рощу.

Они смоляные факелы и лампы ромейских обжигали скотом своим одно высоченное древо за другим.

Подбежали к этому костру и обрели его погашенным, свежезатопанным.

Скитники и дружинники оберга побежали в рощу.

Они смоляные факелы и лампы ромейских обжигали скотом своим одно высоченное древо за другим.

Под конец, отчаявшись обрести княгиню живой, подошли к церковке с усыпальницей святого Эфира. Дверь храма была отперта. Скитники вошли в церковь и узрели княгиню Ольгу павшую на колени пред написанными на стенах храма образами Николая, чудотворца Мирликийского, и святого Эфира, епископа града Корсунь в Таврии.

Лик матушки княгини весь светился, глядела она помолвившейся и расцветившей. Поняли все, что нежданно нахлынувшую радость переживает она.

— Я, люди, чудо узрела,

— рекла матушка княгиня,

обращаясь к скитникам и дружинникам оберга своего, и она поведала о том, что произошло.

Она пошла к самому остатку костру, к самому дальнему изо всех. У костра грелись двое старцев снежнобородых. Они узнали Ольгу и пали пред ней на колени, наказав беречь княжат, особенно младшего, Влада. Для Руси он содеет то, что Юстиниан эллинский содеял для народа своего. Оба старца были гречинами, но по-русски разумели. Старцы предложили княгине обогреться и обсушиться. Беседовала она со старцами, за-приметив кресты наперсные на рясах их, о вере в распятого Бога эллинов. И так оба старца прославляли веру свою, что возжелала княгиня Ольга храм святого Эфира посетить. Княгиня Ольга спросила у старцев, как легче пройти к роще, где стоит церковь с усыпальницей святого Эфира. Сведомо было матушки княгине, что храм находится на разоренном месте, на месте капища Гекаты. О совсем недавней казни царицы ведьм матушка еще не знала и сокрушения беломраморной дьяволицы не видела.

Старцы указали княгине, как ей самой добраться до скита эфериевского, и попросили правительницу Киевграда и всея Руси передохнуть малость на скамье перед храмом прежде, чем войти в него.

Княгиня Ольга направилась в рощу, оглядываясь на костер с двумя старцами. В небе прояснилось, и почудилось княгине, что в просинце сумерек, светом месяца позлащенных, на костер со старцами опустились ступени великого храма с небес, и по ступеням сим оба старца ввысь подымались.

— Как и все. Мы матушку княгиню охраняем.

— А где же сама княгиня? Веди нас к ней.

Алеша Попович и с ним четверо скитников обошли все костры прибрежные и никакие матушки княгини не находили. Видели ее здравой и невредимой, переходящей от костра к костру, ободряющей оберег словом своим. А где княгиня Ольга сейчас, то неизвестно.

Дело к вечерушло. Оберег и скитники всполошились, зажгли факелы смоляные да лампы ромейские. Дружинники оберга вместе со скитниками чуть ли не весь остров обрыкали, а правящий Киевградом и всем Русью князь Филипп пришел.

— Изыди от нас, дьяволица!

До крещения Филипп был кормчим гостеприма юма русичей. Юм ходил к византии. Смеляя княгиня, смолоду ко всему приобщившая в походах ратных, сама до брега доплыла, пособляя всем своим однодеревки сохранила.

Дружинники и при буйном ветре приились хвосты сбить, чтоб костры разведи, обогреться и обсушиться.

Скитники и дружинники оберга побежали в рощу.

Они смоляные факелы и лампы ромейских обжигали скотом своим одно высоченное древо за другим.

Под конец, отчаявшись обрести княгиню живой, подошли к церковке с усыпальницей святого Эфира. Дверь храма была отперта. Скитники вошли в церковь и узрели княгиню Ольгу павшую на колени пред написанными на стенах храма образами Николая, чудотворца Мирликийского, и святого Эфира, епископа града Корсунь в Таврии.

Лик матушки княгини весь светился, глядела она помолвившейся и расцветившей. Поняли все, что нежданно нахлынувшую радость переживает она.

— А может, матушка княгиня, тебе померещилось?

— То, что мне померещилось, — сказала Ольга, — скоро явью вся Русь станет.

Павел, верховный жрец распятого Бога эллинов, говорил, что Вера есть обличие вещей незримых. А незримое, ставшее видимым, мое.

Ольга потемнела лицом, так отвратительно устраивали торжища где хотите и когда хотите. Токмо у себя, на земле своей. На перенос же эфериевского торжища в град Корсунь моего дозволения нет. Всех гостей, с метрополии ли, с диаспоры ли, кто на эфериевские торжища прибывает будет, на три года освобождаю от налогов и пошлиин.

Ольга — Плотничье рукомесло, матушка княгиня, сану моему бывшему.

После беседы с людьми своя княгиня Ольга направилась на опочив в шатер, разбитый для нее дружинниками.

На следующий день чуть свет княгиня вызвала Алешу Поповича и сказала ему:

— Сегодня ж пополудни я в